

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

© 2022 г. В.Г. Андреева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
Костромской государственный университет,
Кострома, Россия*

Дата поступления статьи: 15 сентября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 13 ноября 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-260-281>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Аннотация: В статье анализируется образ императора Александра I, представленный Л.Н. Толстым в романе-эпопее «Война и мир», констатируется, что писатель не ставил своей целью создание максимально правдоподобного портрета государя. Он показал личность, стоявшую во главе великой страны в годы освободительной войны. Герои эпопеи, в том числе и исторические лица, оцениваются писателем не с позиции их детерминированности обществом и эпохой, а исключительно с позиции вечности и жизненной правды. Особенность художественного мира произведения состоит в том, что образ Александра I оказывается включенным в огромный замысел художественной Вселенной, представляющей историсофскую мысль автора. В образе императора Толстой намеренно подчеркивал слабые стороны и противоречия человека, заблуждавшегося из-за оказываемых на него разнонаправленных влияний. Писатель иллюстрирует глубинную связь царя и православного народа. Образ государя связывается для каждого из русских людей с мыслью о высшей правде, заступничестве, однако глубинные смыслы приводят читателя к открытию единственно справедливого суда — Божеского. Л.Н. Толстой осуждает бессмысленное поклонение императору, но утверждает высокий дух служения государю как помазаннику Божьему.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман-эпопея, образ императора, Александр I, личность, общество, прецедентная картина мира, христианская антропология, народ, толпа, соборность.

Информация об авторе: Андреева Валерия Геннадьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005 г. Кострома, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Для цитирования: Андреева В.Г. Образ императора Александра I в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 260–281. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-260-281>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

THE IMAGE OF EMPEROR ALEXANDER I IN THE EPIC NOVEL BY L.N. TOLSTOY “WAR AND PEACE”

© 2022. Valeria G. Andreeva

A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia;

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Received: September 15, 2020

Approved after reviewing: November 13, 2020

Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00102.

Abstract: The article analyzes the image of Emperor Alexander I presented by Leo Tolstoy in his epic novel “War and Peace,” and states that the writer did not aim to create the most believable portrait of the sovereign. He showed the person who stood at the head of a great country during the years of the liberation war. The author of the work proves that the heroes of the epic, including historical figures, are assessed by the writer not from the position of their determinism by society and the era, but exclusively from the position of eternity and life’s truth. The peculiarity of the artistic world of the work is that the image of Alexander I turns out to be included in the huge design of the artistic universe, representing the author’s historiosophical thought. The article notes that in the image of the emperor Tolstoy deliberately emphasized the weaknesses and contradictions of a person who was mistaken because of the multidirectional influences exerted on him. The voices of the heroes in certain scenes are analyzed, episodes that have a paired character and are indicators of the precedent picture of the world characteristic of the epic are noted. In the artistic world of the work, the writer illustrates the deep connection between the tsar and the Orthodox people. The image of the sovereign is associated for each of the Russian people with the thought of the highest truth, intercession, however, the deep meanings lead the reader to the discovery of the only fair judgment – the Divine. The writer condemns the senseless worship of the emperor, but affirms a high spirit of service to the emperor as God’s anointed one.

Keywords: Leo Tolstoy, epic novel, the image of the emperor, Alexander I, personality, society, precedential picture of the world, Christian anthropology, people, crowd, collegiality.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, 1) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor of department of Domestic philology, 2) Kostroma State University, Dzerzhinsky St., 17, 156005 Kostroma, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

For citation: Andreeva, V.G. “The image of Emperor Alexander I in the epic novel by L.N. Tolstoy ‘War and Peace.’” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 260–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-260-281>

В последние три десятилетия в отечественном литературоведении все большее количество ученых осознают необходимость взгляда на русскую классическую литературу с точки зрения не исторической, а христианской антропологии, не привязывающей человека только к конкретному времени и его насущным проблемам. Без такого видения невозможно понять произведения русской литературы XIX в., особенно масштабные шедевры отечественной классики. Так, глубинный анализ романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» показывает, что герои этого произведения, в том числе и исторические лица, оцениваются писателем с позиции вечности и жизненной правды. Поэтому при обращении к художественному миру эпопеи Толстого важно аналитическое изучение не только внешней идейной стороны, но и поэтического строя, сопряжения отдельных образов в единую Вселенную.

Жанровая сущность «Войны и мира» определяется не просто эпохой, оказавшейся удаленной от времени создания романа на 50 лет, и не только масштабом происходивших событий, но уяснением взаимодействия стремлений людей, складывающихся в единую силу с огромным духовным потенциалом. А.В. Гулин отмечает, что победа и чудесное освобождение страны выглядят в романе-эпопее как торжество русской веры, которая в сложный переломный момент помогла сплотить народ: «Стремление к одному всеми признанному христианскому идеалу смирило неизбежные в любом обществе противоречия, подчинило частные устремления единой воле, сделало каждого из русских свободным и посильным участником одного великого дела. Оно сказалось и в “собираении” духовных возможностей одного человека, и в “собираении” всего общественного организма, в “собираении”, наконец, внутреннего опыта, духовной энергии не только ныне живущих людей,

но десятков поколений соотечественников, происходившем как одно нерас-
торжимое целое» [6, с. 12].

Л.Н. Толстому важен становящийся и духовно изменяющийся чело-
век, писатель осмысляет место человека в мире, его способность влиять на
ход событий. Образ императора в «Войне и мире» сложен и многогранен:
он не имеет духовной эволюции, характерной для центральных героев.
Изображая Александра I, Толстой неоднократно напоминает читателю, что
он такой же человек, как и все другие: мы становимся свидетелями самых
разных его состояний и качеств: от мелочности, тщеславия, гордыни до
решительности, упорства в достижении цели, человечности. Толстой под-
черкивает немало слабых сторон Александра I: чрезвычайную чувствитель-
ность государя, которому становится дурно после вида раненых [19, т. 9,
с. 314], странную любовь к неопределенности, побуждающую его собирать
не военный совет для выбора тактики, а «совет избранных для уяснения
некоторых вопросов лично для государя» [19, т. 11, с. 47].

Л.Д. Опульская отметила, что в «Войне и мире» Л.Н. Толстой от за-
мысла противопоставления Александра и Наполеона приходит к антитезе
Наполеона и Кутузова: «Во всех исторических сочинениях, какие он чи-
тал, русских и французских, Наполеону противопоставлялся Александр I.
И Толстому поначалу приходила мысль “написать психологическую исто-
рию романа”. Но в “Войне и мире” спор “узурпатора” Наполеона с “ангелом”
Александром Павловичем обсуждается только в салоне Анны Павловны
Шерер. Императору Александру Толстой отказывает в праве быть верши-
телем исторических событий; он не согласен отдавать ему и его придвор-
ным генералам славу русского оружия. “Освободитель Европы”, как име-
новали его верноподданные историографы, представлен в романе слабым,
тщеславным человеком, который верил австрийцам больше, чем Кутузову,
и своими распоряжениями немало мешал ему» [10, с. 78].

Накануне Аустерлицкого сражения государь представлен в образе
неопытного человека, совмещающего величавость и кротость, окруженного
блестящей молодежью и живущего ее духом. В это время он желает произ-
вести впечатление, причем не на тех, на кого следовало бы его произвести:
не на свою армию, а на императора Франца и свиту. «“Что же Вы не начи-
наете, Михаил Ларионович?” — поспешно обратился император Александр
к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца» [19, т. 9,

с. 339]. Совсем иначе изображен император в ожидании наполеоновской армии, приближающейся к Москве, а также во время его призыва к московскому дворянству и купечеству. Л.Н. Толстой не упускает случая подчеркнуть, что Александр I все так же горяч и самонадеян, но теперь он осознает масштаб событий и роль жителей Москвы в защите страны. И читатель, вслед за Пьером Безуховым, верит и слезам, и искренности Александра Павловича: «...Пьер ясно услышал столь приятно-человеческий и тронутый голос государя, который говорил: “Никогда я не сомневался в усердии русского дворянства. Но в этот день оно превзошло мои ожидания. Благодарю вас от лица отечества, Господа, будем действовать — время всего дороже...”. <...> Пьер в числе других увидел государя, выходящего из залы купечества со слезами умиления на глазах» [19, т. 11, с. 97].

С одной стороны, образ императора в книге Л.Н. Толстого обладает большой смысловой нагрузкой благодаря тому, что к государю устремлена всеобщая народная любовь. С помазанником Божьим связывается для русских людей образ всей страны, ее настоящего и правильно устроенного будущего. Это хорошо видно в романе-эпопее: армия, встречающая своего государя, искренне радуется его приближению; «Да, всего дороже... царское слово» [19, т. 11, с. 97], — говорит, рыдая, Илья Андреич во время встречи государя с дворянами и купцами. Даже старый гордец князь Болконский воспринимает назначение от государя как особую почетную обязанность: «Старый князь, несмотря на свою старческую слабость, особенно сделавшуюся заметной в тот период времени, когда он считал своего сына убитым, не счел себя вправе отказать от должности, в которую был определен самим государем...» [19, т. 10, с. 92].

С другой стороны, писатель показывает бессилие императора в изменении глобального движения истории и часто полное непонимание им сути происходящего. Особенность художественного мира романа-эпопеи в том, что Александр I как историческое лицо оказывается включенным в огромный замысел художественной Вселенной, представляющей историософскую мысль автора: «“Война и мир” соединяет черты художественного произведения с чертами такого текста, прагматика которого ориентирована на “писание”, на сакральные образцы. Исторические имена и исторические события подчинены у Толстого религиозно-дидактическим целям. Возможно, что в этом-то смысле “замысел исторический” и “усложнял работу”

автора, создающего не исторический роман, а историософский текст» [13, с. 17–18].

Фигура государя показана объемно: мы видим его глазами разных героев, замечающих как лучшие стороны Александра I, так и воспринимающих его самого (а в большей степени его поручения и решения) с долей критики. Все эти впечатления Л.Н. Толстой мастерски перемежает, оттеняя их реализациями различных мотивов, подводя читателя к мысли не только о том, что государь, как и все люди, может ошибаться, заблуждаться, но и к осознанию огромной ответственности за страну и народ, которая находится на императоре и постоянно ощущается им.

Смотр австрийских и русских войск, союзной восьмидесятитысячной армии, проводимый двумя императорами, более похож на парад. Сходство его с нарядным действием определяет не столько тщательная подготовка всей русской армии («С раннего утра начали двигаться щегольски вычищенные и убранные войска...» [19, т. 9, с. 298]), часть которой, кстати, только вернулась из похода с Кутузовым, а сама свита императоров во главе с ними.

Повествователь сообщает об общих моментах смотра, подготовке войск, их торжестве при виде императора, отдельно указывает на Николая Ростова, стоявшего в первых рядах кутузовской армии, и несколько уходит на задний план, как только появляется фигура государя. Александра Павловича Л.Н. Толстой представляет, освещая точку зрения Николая Ростова — одного из самых молодых героев романа, чрезвычайно чувственного и не склонного к аналитике человека: «Ростов стоял недалеко от трубачей и издали своими зоркими глазами узнал государя и следил за его приближением. Когда государь приблизился на расстояние двадцати шагов и Николай ясно, до всех подробностей, рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга» [19, т. 9, с. 300–301]. Ростов доводит до предела и абсурда «чувство самозабвения, гордого сознания могущества» государя, которое было присуще многим воинам. Оно у него перерождается в страстную преданность, безудержное почитание и романтическую любовь. Ростов не спускает глаз с Александра I, находит все в нем прелестным и даже обожествляет его: «Каждое слово слышалось Ростову как звук с неба» [19, т. 9, с. 301]. Интересно, что писатель на уровне психологии демонстрирует состояние Николая: как и влюбленный

человек, он невольно перенимает, копирует действия объекта любви: «Увидав эту улыбку, Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государю» [19, т. 9, с. 301].

Точка зрения Ростова в данном случае помогает Л.Н. Толстому представить государя разным. Под точкой зрения мы понимаем «позицию, с которой рассказывается история или с которой воспринимается событие истории героем повествования» [17, р. 23]. Взгляд Николая Ростова позволял уйти от неприятных крайностей в описании фигуры Александра I и при этом показать его слабости глазами фактически ровесника, отчасти представить и общее впечатление со стороны — глазами молодых военных. Ростов пройдет в романе-эпопее достаточно быстрый путь от почитания государя до почти отвращения к нему, но эти полюсные восприятия в разное время, как понимает читатель, не создают целостного облика императора, для уяснения которого необходим анализ множества позиций. В указанной сцене смотря войск голос писателя, разумеется, доминирует над точкой зрения Ростова, которая представляется и несколько иронично. Николай готов навредить себе или броситься в огонь, чтобы выразить свой восторг, он оправдывает любую черту государя, видя в ней величественность. Примечательно выглядит описание выхода государя из нерешительности. Л.Н. Толстой глазами Ростова показывает нам изменение положения фигуры Александра I, но читатель, хорошо знакомый с художественными приемами и подсказками автора, понимает, что это телесное описание снижает образ императора: «Нога государя <...> дотронулась до паха англизированной гнедой кобылы, рука государя в белой перчатке подобрала поводья...» [19, т. 9, с. 301].

Примечательно, что еще до описания перемещения Александра I вдоль собравшихся войск, которое видит Ростов, до передачи чувств и ощущений героя, Л.Н. Толстой сообщает о том, что слышит Николай: «В мертвой тишине слышался только топот лошадей. То была свита императоров. Государи подъехали к флангу, и раздались звуки трубачей первого кавалерийского полка, заигравшие генерал-марш. Казалось, не трубачи это играли, а сама армия, радуясь приближению государя, естественно издавала эти звуки. Из-за этих звуков отчетливо послышался один молодой, лаковый голос императора Александра» [19, т. 9, с. 299–300]. В первоначальной подаче аудиальной информации выражается не просто логика описания прибли-

жающейся процессии, которая не видна издалека, но и глубокий смысл. Описывая произносимые императором слова, обращенные к армии, и ответное приветствие русских войск, Толстой в первую очередь акцентирует внимание на связи государя и народа, особенно в то время, когда речь идет о защите родной земли. Не случайно дважды в одном абзаце Толстой говорит о слове, причем сначала это «слово человека», а затем просто «приближающееся слово»: «Он чувствовал, что от *одного слова* этого человека зависело то, чтобы вся громада эта (и он, связанный с ней, — ничтожная песчинка) пошла бы в огонь и воду, на преступление, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то он не мог не трепетать и не замирать при виде этого *приближающегося слова*» (курсив мой. — В.А.) [19, т. 9, с. 300]. Слово в данном случае существует несколько независимо от государя-человека: перед нами одна из реализаций мотива внеземной природы власти государя — помазанника Божия, соотносимая и с божественной сущностью слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

Как мы уже отметили, психологизм прозы Л.Н. Толстого заключается, в том числе, и в оценке одного персонажа (в нашем случае — императора Александра I) многими другими. Однако не случайно писатель выбирает именно Николая Ростова как очевидца указанной сцены, точку зрения которого видит читатель. Во-первых, Л.Н. Толстой создает некоторый параллелизм эпизодов: позднее он покажет нам государя глазами младшего брата Николая, Пети. Во-вторых, во взгляде Николая отражается его собственная богатая натура (имеющая яркие особенности семьи Ростовых). Николай Ростов великодушен, он смелый и самоотверженный человек, чистый душой, где-то даже наивный и глубоко верящий в добро. И эта позиция героя была важна Толстому при изображении императора.

Несмотря на то что писатель показал немало наигранного и внешне-го в образе государя, восприятие его Николаем, а потом и Петей позволило Л.Н. Толстому создать целостный облик Александра I, представить фигуру человека, не лишённого заблуждений, но являющегося провозвестником высшей воли. По замыслу писателя, читатель, воспринимающий государя вместе с восторженными молодыми Ростовыми, должен потом, как и герои, прийти к несколько иному пониманию земной власти. Однако Л.Н. Толстой справедливо констатирует, что образ государя, для каждого воина связывающийся с Россией, является основой единения армии. Ростов при прибли-

жении Александра I «испытывал то же чувство, какое испытывал каждый человек этой армии, — чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества» [19, т. 9, с. 300]. Примечательно, что в черновиках к роману, в описании ощущений Пети Ростова, Толстой акцентировал внимание на идее потомственного служения дворянства государю, на повторении обожания последнего, переходящем из поколения в поколение и являющем читателю нерушимую эпическую связь времен: «Петя радостно улыбался, представляя себе государя. Он может сейчас в офицеры, может и в генералы. И Петя придумывал и прочувствовал все то, что думал и чувствовал 7 лет назад Nicolas, и отец Nicolas, и дед, и все, все, в какой бы то ни было другой форме и условиях» [19, т. 14, с. 54–55]. Скорее всего, писатель исключил указанное описание потому, что оно слишком доходчиво все объясняло читателям уже в самом начале эпизода: в окончательном тексте Толстой постарался избежать обобщений, противоречивших приему сложения образа императора из различных мнений и представлений. Более того, в романе-эпопее вслед за сценой наблюдения Пети за государем идет рассказ о сборе дворян, поэтому указание на поколения Ростовых, данное ранее, могло выглядеть некоторым повтором. А при описании наблюдения Пети за государем исчезают даже и сословия — для всего русского народа Александр I становится «ангелом», «отцом», «батюшкой».

В сцене появления государя накануне Аустерлицкого сражения мы слышим только повествователя, рассказывающего о событиях и столкновении Александра I и Кутузова. Лишь на некоторое время повествователь уступает место Андрею Болконскому, чтобы описать впечатление от внешнего вида государя и констатировать его «наивную молодость», которая в глазах читателя на толику оправдывает Александра Павловича [19, т. 9, с. 338]. Вся пятнадцатая глава третьей части первого тома иллюстрирует заблуждения императора, признать которые читатель будет вынужден почти сразу же. Ошибка государя была подтверждена в исторической реальности фактами с поля боя: «Сражение при Аустерлице началось в 8 утра наступлением частей под командованием генерала Ф.Ф. Буксгевдена. Сместив сюда основные силы, союзная армия ослабила свой центр, где находились господствующие над местностью Праценские высоты. В конце концов, под давлением императора Александра I, М.И. Кутузов отдал приказ спускаться

с высот последней ударной колонне. Подталкиваемый австрийцами, которые стремились скорее освободить Вену от французов, российский император настоял на переходе в решительное наступление» [9, с. 275].

Спустя краткое время после приказа императора к наступлению и отправлению вперед Апшеронского батальона князь Андрей кричит *прямо противоположное*: «Надо остановить апшеронцев!» [19, т. 9, с. 341]. Стройные ряды воинов, еще недавно провожаемые Александром I, превращаются в толпу: «Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров» [19, т. 9, с. 341]. Оценку поведению императора даст в следующей части эпопеи старый князь Болконский, упомянув о сражении, «в котором повели убивать русских лучших людей и русскую славу» [19, т. 10, с. 34].

Если красивое действие было частично уместно на смотре армии, то на поле боя поведение «прискакавшей блестящей молодежи» с императором во главе вносит смуту. Как справедливо отметил К.А. Солев, Л.Н. Толстой в «Войне и мире», как и в военных рассказах 1850-х гг. связывает образ настоящих военных с простотой, отсутствием излишней напыщенности [14, с. 32]. Толстой показывает читателю, что настоящий военный, человек, знающий, что такое смертельная опасность, не сможет накануне сражения думать о производимом им впечатлении. Ни Александр I, ни его ближайшее окружение, выполнявшее также и функцию идейных советников государя, не понимают до конца происходящего: «Чарторижский и Новосильцев, и князь Волконский и Строганов, и другие, все богато одетые, веселые молодые люди, на прекрасных, выхолненных, свежих, только что слегка вспотевших лошадях» [19, т. 9, с. 338]. Они не стараются почувствовать тактику мудрого Кутузова, ожидающего сбора всех колонн, а на протяжении войны ожидавшего закономерного падения армии Наполеона, посягнувшего на свободу православной России [1, с. 9]. Изображая краткий спор Кутузова и императора о времени наступления, Толстой подчеркивает несамостоятельность государя в тактических вопросах, его желание опереться на сторонников или найти поддержку в их глазах. Сначала Александр I смотрит на Новосильцева, «как будто взглядом этим жалуясь на Кутузова», потом — на императора Франца, желая обратить его внимание на разговор [19, т. 9, с. 339]. В ситуации нежелания императора понимать все тонкости предполагаемого сражения Кутузов вынужден принимать вид нерассуждающего

служаки, чтобы исполнить волю государя, противоречащую смыслу всей ситуации.

Фигуру императора после Аустерлица Л.Н. Толстой показывает читателю, вновь представляя восприятие Николая Ростова. Он долго ищет Александра I, встречая на своем пути разных лиц. Толстой позволяет Ростову услышать народные голоса и мнения: солдат рассказывает о бегстве императора и Кутузова, денщик — об опасной ране государя, недавно провезенного в карете, а офицеры, плохо знающие, кто из руководства на самом деле ранен, а кто убит, судят в это время о людях не по званиям и чинам: «Не Кутузов, а как бишь его, ну, да все одно, живых не много осталось» [19, т. 9, с. 350]. Наконец, Ростов находит императора и со стороны созерцает, как государю, ожидающему известий посреди пустого поля, около огорода, окопанного канавой, весть о поражении рассказывает случайно подъехавший капитан фон Толь. Вновь перед нами одно из субъективных представлений. Вспомним, что Ростов мало думает о поражении всей армии, страны, он страстно желает показаться Александру I храбрым, оказать ему какую-либо услугу, поэтому Николай не задается вопросом о пассивности и отстраненности государя от армии.

Л.Н. Толстой не преувеличивает роли императора, он предлагает читателю сравнить его и оказывающихся рядом с ним людей, открывая во многих случаях неправоту Александра I, мешающего своей армии: «Пока Александр со своей огромной свитой остается при отступающей русской армии, мысли людей, по опыту знающих, что такое война, сосредоточены главным образом на том, как бы его удалить под благовидным предлогом» [7, с. 251].

Толстой не снимает с Александра I ответственности за поступки и человеческий выбор. В романе-эпопее неоднократно фигура государя оказывается в непосредственном соотношении с оценкой урона и жертв, которые принесла война: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение. Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка» [19, т. 11, с. 6].

Образ государя связывается для каждого из русских людей с мыслью о высшей правде, заступничестве. И Денисов, собирающийся отбить провиант у пехоты, вынужденный пойти на этот шаг, чтобы накормить своих бойцов, произносит: «Суди меня там Бог и великий государь!» [19, т. 10, с. 129]. Но военно-судная комиссия не осознает благородного смысла поступка Денисова, и Ростов отправляется искать заступничества у государя, справедливость которого не вызывают пока у Ростова никакого сомнения: «Он бы понял, на чьей стороне справедливость. Он все понимает, все знает. Кто же может быть справедливее и великодушнее его?» [19, т. 10, с. 143]. Глубинные смыслы художественного мира романа-эпопеи приводят читателя к открытию единственно справедливого суда — Божеского. Л.Н. Толстой уже в «Войне и мире» констатирует, что все внешние проявления государственной системы чаще всего удалены от интересов людей. Как справедливо отмечает Е.Ю. Полтавец, «размышления в Севастополе привели Толстого к проекту основания новой религии и проекту вечного мира. До “Войны и мира” такого проекта еще не бывало, т. к. проект Толстого основан не на государственных договорах и дипломатии, а на религиозно-этических принципах. Толстой также искал такую историческую ситуацию, которая могла бы служить примером воплощения этого проекта» [13, с. 15].

Нельзя согласиться с Д.Т. Орвин и ее пониманием соотношения в романе-эпопее личного и общего: «В принятии важных решений Николай будет впредь всегда зависеть от своего возлюбленного императора. На теоретическом языке романа это означает, что он ослабит свою личную энергию, для того, чтобы она слилась с потоком...» [11, с. 136]. Разочарование в государе приходит к Ростову после того, как он становится свидетелем встречи императоров в Тильзите. Николаю Ростову, так непохожему на многих строящих планы и прогнозы героев Л.Н. Толстого: Дмитрия Оленина, Андрея Болконского, Константина Левина, Дмитрия Нехлюдова, — писатель на короткое время дает возможность ощущения несвойственных ему сомнений и внутренней работы. Писатель акцентирует внимание читателя с помощью знакового повтора: «В уме его происходила мучительная работа, которую он никак не мог довести до конца» [19, т. 10, с. 150]; «Он выпил один две бутылки вина. Внутренняя поднявшаяся в нем работа, не разрешаясь, все так же томила его» [19, т. 10, с. 150]. Л.Н. Толстой

показывает, что Ростов не сможет жить далее с этой внутренней работой, он быстро заглушает ее криком, гневом и спиртным, но сам факт ее появления убеждает читателя в важности сделанных выводов о бессмысленности действий самодовольного Бонапарта и императора Александра: «Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди? То вспомнился ему награжденный Лазарев и Денисов, наказанный и непощенный. Он заставал себя на таких странных мыслях, что пугался их» [19, т. 10, с. 150].

Л.Н. Толстой здесь во многом солидарен со своим героем. Повествователь в «Войне и мире» также не видит смысла в дальнейшем рассуждении: «Эта демонстрация путаницы рассудка угодна бытию, живой жизни, ибо показывает ее обилие и превосходство над всякой создаваемой людьми системой, всякими пределами, в которые ее (жизнь) хотят заковать. Вот почему во всяком эпосе после напряженных поисков причин, объяснения событий наступает момент, когда автор вынужден просто порвать цепь рассуждений» [4, с. 113].

В художественном мире романа-эпопеи есть ряд значимых эпизодов и сцен, имеющих парный характер, являющихся показателями прецедентной картины мира, характерной именно для эпопеи [15, с. 20]. Разумеется, мы не говорим о классической древней эпопее, где истинным событием было самое первое, но в художественных рифмах Л.Н. Толстого (даже в рифмах из мирной жизни) открывается эпическая сущность.

На основе сопоставления рифмующихся эпизодов читатель делает выводы об условности поведения императора, его впечатлительности. Приведем в пример противоположное отношение государя к Андрею Болконскому. В августе 1809 г. князь Андрей отправляется в Петербург и как камергер является ко двору, где государь проявляет по отношению к нему явную неприязнь: «Государь два раза, встретив его, не удостоил его ни одним словом. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что он антипатичен государю, что государю неприятно его лицо и все существо его. В сухом, отдаляющем взгляде, которым посмотрел на него государь, князь Андрей еще более, чем прежде, нашел подтверждение этому предположению» [19, т. 10, с. 160]. Придворные, замечаящие холодность государя к Болконскому, объясняют это отношение отсутствием князя Андрея на службе с 1805 г. Однако читатель понимает, что это лишь одно из предположений. Нельзя исключать в данном случае работы государя со Сперанским по гражданской

части и с Аракчеевым по военной и того факта, что князь Андрей ассоциировался у него несколько контрастно по сравнению с новыми порядками, вводимыми в России. А уже в июне 1810 г. император передает Андрею Болконскому приглашение с целью расспросить последнего о Турции. Князь Андрей ожидает государя, поехавшего «с генералом Бенигсеном и с маркизом Паулучи другой раз в нынешний день для объезда укреплений Дрисского лагеря, в удобности которого начали сильно сомневаться» [19, т. II, с. 46]. Уже уставший государь хочет распрощаться с Паулучи, но итальянец этого не понимает, и тут на глаза императору попадает в данной ситуации «родной» Болконский: «Не дослушав и как будто не слышав слов итальянца, государь, узнав Болконского, милостиво обратился к нему: “Очень рад тебя видеть, пройди туда, где они собрались, и подожди меня”» [19, т. II, с. 49]. Александр I представляется Толстым в том числе и как человек настроения, хотя читатель в данном случае должен учитывать, что в не меньшей, если не в большей степени, человеком настроения является сам Болконский, воспринимаящий государя.

Как мы уже отметили, рифмуются сцены наблюдения за Александром I братьями Ростовыми. Петя Ростов, как и чуть ранее Николай, готов пожертвовать собой ради государя. Эпизоды продвижения Пети на площадь и ожидания им выхода Александра Павловича полны толстовской иронии. Но одним из самых едко-насмешливых и пренебрежительных стало в эпопее описание императора, разбрасывающего бисквиты с балкона.

Конечно, Л.Н. Толстой преувеличивал отрицательные стороны государя. Его можно было бы обвинить в непонимании военных ходов, в политических промахах, однако, как считает большинство историков и современников императора, он не мог быть участником показного действия, представленного в «Войне и мире». П.А. Вяземский отметил, что такое изображение государя является карикатурой: «Этот рассказ изобличает совершенное незнание личности Александра I. Он был так размерен, расчетлив во всех своих действиях и малейших движениях; так опасался всего, что могло показаться смешным или неловким; так был во всем обдуман, чинен, представителен, оглядлив до мелочи и щепетливости: что, вероятно, он скорее бросился бы в воду, нежели бы решился показаться перед народом, и еще в такие торжественные и знаменательные дни, доедающим бисквит» [18, с. 192].

И.А. Виноградов подчеркнул связь этой сцены с похожей в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя: «По наблюдению Д.П. Шестакова, в одном из эпизодов “Войны и мира”, написанного Л.Н. Толстым в 1867 г., отразилась сцена из “Тараса Бульбы”. Имеется в виду изображение в третьем томе “Войны и мира” императора Александра I, бросающего с балкона Кремлевского Дворца в народ бисквиты, и упоминание в “Тарасе Бульбе”, в сцене казни Остапа, о польской панне, кидающей с балкона в “толпу голодных рыцарей” “пирожное и плоды» [3, с. 522]. А.В. Гулин обстоятельно показал, что при работе над романом-эпосом были творчески освоены воспоминания А. Рязанцева и С. Глинки, однако Л.Н. Толстой по-своему представил описываемые мемуаристами сцены раздачи государем фруктов в руки простых граждан и общения на Красном крыльце во время государева обеда: «Государь, первый человек в отечестве, связанный незримыми узами со своими подданными, по-отечески творящий благо своему народу, — таким видели мемуаристы Александра I. <...> Толстой увидел сцену царского обеда совсем иначе. Для него фигура царя не только была лишена какого бы то ни было ореола, тем более ореола вождя русского народа, но представлялась самой малозначительной в событиях 1812 года» [5, с. 200–201]. А.В. Гулин отмечает также, что бисквиты стали «ключевым образом» для этой сцены. Обратим внимание, что само слово «бисквит» французского происхождения и в дословном переводе означает буквально «дважды испеченный». Метафорически получается, что государь в романе-эпосе Л.Н. Толстого поступает не только унижительно для соотечественников, но еще и более чем антипатриотично: во время нашествия на его страну французов он бросает в свой народ кусками французского кондитерского изделия. Символично, что и народ перестает быть связанным соборным чувством: кусочки французского бисквита превращают соединенных единой мыслью людей в противоборствующих конкурентов.

Сцена с бисквитами значительно снижает образ государя, наслаждающегося властью и рабской верой в него народа. Л.Н. Толстой демонстрирует возможность достаточно быстрого превращения государя в тирана, а граждан — в рабов, превращение народа в толпу: «Толпа побежала за государем»; «некоторые из толпы бросились к кучеру» [19, т. 11, с. 90]. Писатель осуждает бессмысленное поклонение государю, отмечая, как контрастна эта сцена с участием Пети встрече Александра Павловича, на которой

присутствовал Николай Ростов: «Имперская модель развития может быть эффективна только в том обществе, членам которого присущ дух служения. Дух служения не есть дух услужения (раболепства). Служение предполагает сознание долга, выраженное в конкретных действиях, на практике. Поэтому сильная и слаженно работающая армия всегда является неотъемлемой составляющей имперского государства, ведь в ней наиболее ярко выражен дух служения и порядка» [16, с. 45–46].

Поэтизируя в романе-эпопее народ как духовное единство, писатель обличает толпу, в которой никто не думает друг о друге, каждый старается урвать свой кусок. Толпа, в отличие от народа, зверски, варварски настроена: «Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленным еще более возбуждала его, он бросился на бисквиты» [19, т. 11, с. 91]. Обратим внимание на значимую подробность: от смерти в давке спасает барчонка Петю *дьячок*, который потом и удерживает его от движения вместе с толпой: «Когда он пришел в себя, какое-то духовное лицо с пучком седевших волос назади, в потертой синей рясе, вероятно, дьячок, одной рукой держал его под мышку, другой охранял от напиравшей толпы» [19, т. 11, с. 89]; «Толпа стремительно бросилась к набережной <...>. Петя тоже хотел бежать туда, но дьячок, взявший под свое покровительство барчонка, не пустил его» [19, т. 11, с. 90]. В художественном мире Л.Н. Толстого этот образ очень символичен: дьячок — священнослужитель, который не имеет степени священства. То есть перед нами человек из народа, но непосредственно близкий к церкви. Вера и соборность русского народа — это то, что удерживает его от падения, превращения в толпу: «Дьячок несколько раз повторял слово *соборне*, которого не понимал Петя» [19, т. 11, с. 89].

Но в целом Л.Н. Толстой избегает явных отрицательных характеристик государя, он открыто не анализирует его поступки, не осуждает его за несоответствующее месту и времени поведение. Показывая светский такт, обходительность Александра I, писатель иллюстрирует его неспособность чувствовать и понимать народ. При этом все действия императора изображены нейтрально: читатель сам должен сделать выводы. Приведем пример хотя бы с вызовом государя в Москву из действующей армии. Толстой упоминает о письме от Балашева и Аракчеева к императору: «В письме этом, пользуясь данным ему от государя позволением рассуждать об общем ходе дел, он почтительно и под предлогом необходимости для государя

воодушевить к войне народ в столице, предлагал государю оставить войско» [19, т. 11, с. 45]. Реальные оценки этой ситуации выглядят гораздо категоричнее: «Еще в Полоцке вред от пребывания Александра I при армии стал настолько очевиден, что в начале июля ближайшие доверенные лица царя (А.А. Аракчеев и др.) убедили его отбыть в столицу под предлогом необходимости подготовки резервов. Оставив армию, император не позаботился назначить общего главнокомандующего» [9, с. 276].

В романе-эпопее участие государя в формальных мероприятиях не приносит пользы общему делу. Л.Н. Толстой, как и почти везде, полярно разводит *отражения жизни*: «В 1808 году император Александр ездил в Эрфурт для нового свидания с императором Наполеоном, и в высшем петербургском обществе много говорили о величии этого торжественного свидания» [19, т. 10, с. 152] — и *саму жизнь*: «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте и вне всех возможных преобразований» [19, т. 10, с. 152]. Император поступает правильно лишь тогда, когда он в напряженной ситуации действует, *чувствуя и ощущая* свою волю, сливая ее с множеством народных голосов. «Народное чувство в романе представляло собой некий безошибочный моральный инстинкт, заключенный в недрах “неразумного”, подсознательного бытия. По мысли писателя, он не нуждался ни в каком руководстве, ни в каком “цивилизованном” оформлении. Он требовал не Царя, не Императора, а вождя по-домашнему понятного, умеющего слушать “пульс” непринужденной действительности, чуждого любым “отвлеченным” идеалам», — пишет А.В. Гулин [6, с. 17]. Именно так, не свысока, а по-человечески действует Александр I, отправляя к французскому императору Балашова, не только с письмом, но еще и с устным, достаточно резким посланием о необходимости ухода с Русской земли: «Государь не написал этих слов в письме, потому что он чувствовал с своим тактом, что слова эти неудобны для передачи в ту минуту, когда делается последняя попытка примирения...» [19, т. 11, с. 15–16]. Выполнит ли Балашов поручение — это уже другой вопрос, но Александр на него надеется.

В начале романа-эпопеи Андрей Болконский произносит знаменательные слова: «Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны

бы не было» [19, т. 9, с. 31]. Во-первых, герой говорит о формальной возможности предотвращения войны, в которой «миллионы людей-христиан убивали и мучали друг друга» [19, т. 11, с. 4]. Во-вторых, эта мысль ориентирует читателя на восприятие смысла эпического мира, его тотальности: «Субъектом эпического произведения является всегда эмпирический человек из жизни, но в большой эпике его творческая дерзость, нацеленная на овладение жизнью, оборачивается смиренной созерцательностью, молчаливым изумлением перед лицом явленного ему смысла, столь неожиданно, но и столь естественно открывшегося его взору простого человека» [8, с. 29]. Наконец, это еще и одна из подсказок автора, данная читателю для понимания его эпического художественного мира, в котором каждый субъект отражает идею целого.

Л.Н. Толстой показывает, что в минуты высшей радости личное счастье человека бывает настолько велико, что оно преображает личность. Вспомним Наташу Ростову в один из самых счастливых дней ее жизни, на первом бале. Героине так хорошо, что она не обращает внимания на государя: «Она не только не заметила, как государь долго говорил с французским посланником, как он особенно милостиво говорил с какой-то дамой <...>; она не видала даже государя и заметила, что он уехал, только потому, что после его отъезда бал более оживился» [19, т. 10, с. 204–205]. Писатель убежден, что без духовных стремлений личности любое дело превращается в мертвую схему. Объединение усилий людей невозможно без волевого действия каждого: «Зло преодолевается не силой оружия, а волевым усилием, торжеством духа над материей. Это волевое усилие, т. е. концентрацию всех душевных сил Толстой противопоставляет сознательному обдумыванию целей...» [12, с. 105–106]. Однако воля у Толстого противостоит одержимости своеволием: писатель показывает, что чем выше положение человека и чем больше у него возможностей влияния на окружающих, тем больше одолевает его искушение вершить судьбы. Устремления отдельных людей, их сердечные и душевные движения, слагающиеся воедино, образуют национальное единство. Как отметил С.Г. Бочаров, «Жизнь и история идут не так, “как получится” или же как кому-то захочется. Главное, что открывает двенадцатый год, — совершенно другой, чем в иное время, противоположный закон того, как индивидуальные действия слагаются в результат <...> В ситуации двенадцатого года индивидуальные действия многих людей

остаются индивидуальными действиями, но отношение их теперь таково, что вместо силы взаимного отталкивания, их подчиняет сила взаимного притяжения» [2, с. 40–41]. Указанная сонаправленность индивидуальных устремлений рождает эпическую основу «Войны и мира», разумеется, обусловленную той внешней угрозой, с которой столкнулась Россия.

Таким образом, мы видим, что Л.Н. Толстой не ставил своей целью создать максимально правдоподобный портрет Александра I. Но за счет представления позиций разных героев он смог отобразить целостный облик государя. Писатель показал человека, стоявшего во главе великой страны во время освободительной войны и постепенно вырастающего на наших глазах. Толстой демонстрирует внешнюю значимость и упорядоченность, вносимую в жизнь народа благодаря государю и власти, реакцию общества на действия императора, настроения народа, связанные с ситуацией в стране, не упуская возможности представить Александра I иронично. Писатель не проходит мимо формальных действий придворной жизни, разоблачая иллюзорность духовного движения высшего света, однако он демонстрирует глубинную связь Александра I и православного народа, где царь и знает, и чувствует свой народ, а народ поддерживает государя, понимая, что его личные решения во многом и будут выражать народную волю.

Список литературы

Исследования

- 1 *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1. С. 8–12.
- 2 *Бочаров С.Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1987. 156 с.
- 3 *Виноградов И.А.* Комментарий // *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.
- 4 *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
- 5 *Гулин А.В.* Лев Толстой и пути русской истории. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 253 с.
- 6 *Гулин А.В.* Соборность или «роевое чувство» (русский мир 1812 года в «Войне и мире» Л.Н. Толстого) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 11–22.
- 7 *Зверев А.М., Туниманов В.А.* Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. 782 с.
- 8 *Лукач Г.* Теория романа. Опыт историко-философского исследования форм большой эпики // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.
- 9 *Озерецковский Л.Б., Ивченко Е.В., Денисов А.В., Головки К.П., Телицкий С.Ю.* «Великая армия» Наполеона от Аустерлица до Бородино // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2012. № 3 (39). С. 273–281.
- 10 *Опульская Л.Д.* Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». М.: Просвещение, 1987. 174 с.
- 11 *Орвин Д.Т.* Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб.: Академический проект, 2006. 304 с.
- 12 *Панова О.Б.* Мировобраз эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 24–26.
- 13 *Полтавец Е.Ю.* Герои «Войны и мира» Л.Н. Толстого как герои историософского романа // Материалы Толстовских чтений 2018 года в Государственном музее Л.Н. Толстого / отв. ред. Л.В. Гладкова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 8–21.
- 14 *Солев К.А.* О настоящем воине в творчестве Льва Толстого (На материале военных рассказов 1850-х годов и романа «Война и мир») // Материалы Толстовских чтений 2018 года в Государственном музее Л.Н. Толстого / отв. ред. Л.В. Гладкова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 31–39.
- 15 *Тюна В.И.* Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 19–24.
- 16 *Угрин И.М.* Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: ИФ РАН 2017. 106 с.
- 17 *Stanzel K.F.* Theorie des Erzählens. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 339 S.

Источники

- 18 *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 182–216.
- 19 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

References

- 1 Andreeva, V.G. “Lichnye interesy geroev i motiv ozhidaniia v romane-epopee L.N. Tolstogo ‘Voina i mir’.” [“The Personal Interests of the Heroes and the Motive of Expectation in the Epic Novel L.N. Tolstoy ‘War and Peace’.”] *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2019, pp. 8–12. (In Russ.)
- 2 Bocharov, S.G. *Roman L. Tolstogo “Voina i mir”* [Roman “War and Peace” by Leo Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 156 p. (In Russ.)
- 3 Vinogradov, I.A. “Kommentarii” [“Commentary”]. Gogol', N.V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textological Commentary]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)
- 4 Gachev, G.D. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form* [The Content of Art Forms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 302 p. (In Russ.)
- 5 Gulin, A.V. *Lev Tolstoi i puti russkoi istorii* [Leo Tolstoy and the Paths of Russian History]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 253 p. (In Russ.)
- 6 Gulin, A.V. “Sobornost' ili 'roevoe chuvstvo' (russkii mir 1812 goda v 'Voine i mire' L.N. Tolstogo)” [“Conciliarity or 'swarm Feeling' (Russian World of 1812 in the 'War and Peace' by Leo Tolstoy)”. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya*, no. 3, 2018, pp. 11–22. (In Russ.)
- 7 Zverev, A.M., Tunimanov, V.A. *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007. 782 p. (In Russ.)
- 8 Lukach, G. “Teoriia romana. Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniia form bol'shoi epiki” [“Theory of the Novel. The Experience of Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 9, 1994, pp. 19–78. (In Russ.)
- 9 Ozeretskivskii, L.B., Ivchenko, E.V., Denisov, A.V., Golovko, K.P., Telitskii, S.Iu. “‘Velikaia armiiia' Napoleona ot Austerlitsa do Borodino” [“The ‘Great Army’ of Napoleon from Austerlitz to Borodino”]. *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii*, no. 3 (39), 2012, pp. 273–281. (In Russ.)
- 10 Opuľ'skaia, L.D. *Roman-epopeia L.N. Tolstogo “Voina i mir”* [The Epic Novel “War and Peace” by Leo Tolstoy]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 174 p. (In Russ.)
- 11 Orvin, D.T. *Iskusstvo i mysl' Tolstogo 1847–1880* [The Art and Thought of Tolstoy. 1847–1880]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)

- 12 Panova, O.B. "Miroobraz epopei L.N. Tolstogo 'Voina i mir'." ["World Image of the Epic 'War and Peace' by Leo Tolstoy"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 299, 2007, pp. 24–26. (In Russ.)
- 13 Poltavets, E.Iu. "Geroi 'Voiny i mira' L.N. Tolstogo kak geroi istoriosofskogo romana" ["Heroes of 'War and Peace' by Leo Tolstoy as Heroes of a Historiosophical Novel"]. *Materialy Tolstovskikh chtenii 2018 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [*Materials of the Tolstoy Readings of 2018 in the State Museum of Leo Tolstoy*]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 8–21. (In Russ.)
- 14 Solev, K.A. "O nastoiashchem voine v tvorchestve L'va Tolstogo (Na materiale voennykh rasskazov 1850-kh godov i romana 'Voina i mir')" ["About a Real Warrior in the Work of Leo Tolstoy (Based on Material from Military Stories of the 1850s and the Novel 'War and Peace')"]. *Materialy Tolstovskikh chtenii 2018 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [*Materials of the Tolstoy Readings of 2018 in the State Museum of L.N. Tolstoy*]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 31–39. (In Russ.)
- 15 Tiupa, V.I. "Zhanrovaia priroda narrativnykh strategii" ["Genre Nature of Narrative Strategies"]. *Filologicheskii klass*, no. 2 (52), 2018, pp. 19–24. (In Russ.)
- 16 Ugrin, I.M. *Rossiiskaia gosudarstvennost' i imperskaia paradigma: filosofskii analiz* [*Russian Statehood and the Imperial Paradigm: Philosophical Analysis*]. Moscow, IF RAN Publ., 2017. 106 p. (In Russ.)
- 17 Stanzel, K.F. *Theorie des Erzählens*. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 339 S. (In German)